

Виктория
Королёва

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

POOED

Опасные связи

Виктория Королёва

Топь

«Автор»

2026

Королёва В.

Топь / В. Королёва — «Автор», 2026 — (Опасные связи)

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Он
спас меня, выдернул из ада, показал свет, и я влюбилась — насмерть, по-
щеничьи, безоглядно! Я думала, что он моё всё, но..

© Королёва В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер	5
Глава 1	6
Г	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Виктория Королёва

Топь

Дисклеймер

Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещён и влечёт установленную законодательством ответственность.

Внимание! Данное произведение предназначено исключительно для лиц, достигших совершеннолетия (18+).

Автор настоятельно не рекомендует прочтение данной книги лицам с неустойчивой психикой, повышенной тревожностью, а также тем, кто остро переживает сцены психологического и физического насилия.

Книга содержит реалистичное описание сцен жестокости, психологического давления, а также эпизоды, включающие насилие различного характера, в том числе психологическое и иное. Упоминается деятельность закрытой криминальной общины. Автор категорически осуждает подобные действия, и их описание служит исключительно для раскрытия сюжета, характеров персонажей и их внутренней трансформации.

Все персонажи и события являются художественным вымыслом. Любые совпадения с реальными лицами, религиозными или общественными организациями случайны. Действия персонажей не являются руководством к действию и не пропагандируют противозаконное или аморальное поведение.

Глава 1

Захар

Дождь. Мелкий, противный – совсем не в кассу. Не льёт – завис в воздухе, просачиваясь под одежду. Холодно до зубного скрежета. Берцы промокли нахрен, пальцы заледенели – хочешь сжимай, хочешь разжимай, не поможет.

Лежу на боку, вжавшись плечом в мокрый мох. Сверху – вывороченный корень сосны, огромный, напоминающий рёбра павшего зверя. Мы тут тоже... пали.

Морщась, смотрю на Лёху. Лежит на пузе, локти в грязи, в руках старенький бинокль ночного видения. Раритет, но выбирать не пришлось, спасибо хоть это досталось. Никаких тебе тепловизоров, крутой оптики, как в кино про спецназ. Хрен там плавал. Обычный, зелёный, советский ещё, по ходу. Рябит, двоится, но работает. Меня переживёт...

- Ну чё там? - спрашиваю просто для того, чтобы разбавить гнетущее молчание.

- Лес ёпта, что ещё? – буркает напарник, пожёвывая травинку - Деревья, кусты, тропа. Всё как час назад... и два часа назад, и три, блять.

- Охуенно.

- Ага.

Молчим.

Дождь снова начинает назойливо барабанить по капюшону. Стряхиваю каплю с носа, думая о том, что если ещё через час не дадут отмашку – займемся намертво. Зашибись я выбрал времечко, чтобы попробовать вписаться во что-то крупное. Вот тебе и суровая реальность начинающего опера. Во всей красе, твою мать.

Передёргиваю плечами.

Блять, как холодно...

- Слышь, - тихо зовёт Лёха, сплёвывая травинку, - Я так и не понял, это типа культ или чё?

- В смысле?

Напарник откашливается, ещё раз сплёвывая в сторону:

- Димка сказал, что это сборище шизиков. Типа больные или чё?

- Да откуда я знаю? – выдыхаю, смотря мимо тропки, которую изучил вдоль и поперёк за последние несколько часов. – Отказались от мирского, скотину выращивают, шьют...

- Да хорош... чё батя не сказал что-ли? – подначивает, пихая в плечо.

Спокойствие, только спокойствие...

Пытаюсь себя уболтать, но внутри всё равно разъедает. Что ни день, то обязательно всплывёт что-то про отца! Заебали.

- Он мне не докладывает.

Широков выдыхает, но дальше ничего не следует. И к лучшему, потому что я не собираюсь ничем делиться. Например тем, что помимо «Отделитесь от всего мирского и очистите разум» есть огромные транши бабла, веществ и бесконечные люди, которых так и не нашли... и это я ещё молчу о том, как они тут живут. Средний век, если не хуже.

Хер бы я променял возможность пользоваться благами цивилизации и жить в домиках из говна и палок, прикрывая жопу лохмотьями, чтобы познать себя, мир и прочее... или что им тут всем впарили?

Твою мать... Как в здравом уме можно отписать имущество непойми кому за эфемерную возможность восстановления своего морального здоровья. Морального... не физического. Тут все здоровые – работают на «благо общества», так сказать...

На хуй это дерьмо. Я в общем хер его знает, в каком состоянии нужно быть, чтобы отдать всё кровное чёрт знает кому, с малопрогнозируемым результатом. Но они знают... поэтому и сидим... в засаде-наблюдении.

Контрабанда, наркота, рабы без паспортов. Маскировка тут что надо. И вроде безобидные... живут себе и живут, но если копнуть... эх и дерьма наружу вылезет.

Разминаю затёкшую шею. Чтоб размяться нормально, нужно встать, но это может выдать точку, так что лежу – похрустываю как получается.

Вздыхаю, ещё раз оглядываю тропку – никого. Только дождь и монотонно шумящий лес. Убаюкивающе шумит. Если бы не холод, можно было бы заснуть. Прищурившись, смотрю в черноту между стволами и думаю о том, в какой же жопе мы находимся. Вокруг один лес, до ближайшей нормальной дороги несколько километров. Продирались к этому месту по бездорожью, которое сейчас из-за дождя развезло по самые не могу. Как обратно... да хрен его знает – поплывём похоже.

- Ску-ко-та, - тянет Лёха, ёрзая на месте. – Слушай, а правда, что Васька к тебе приходил? Илюха говорит, разнимали вас.

Нашёл что вспомнить...

- Не было такого. Это больная фантазия Смирнова.

Лёха хмыкает, но замолкает, и на этом разговор снова тухнет. Правильно. Мне не до шуток и историй ревнивого придурка, который сам свой член в штанах удержать не может, но за женой смотрит так, словно не влево, не вправо.

Растираю ладони, активно дыша на пальцы, чувствуя, как под рёбрами ворочается липкое предчувствие. Что-то будет – наперёд знаю. Я не Ванга, но интуиции доверяю.

Что-то вот-вот случится. И лучше бы оно случилось поскорее, потому что ждать невыносимо.

Опускаю глаза на руки – ладони в красных пятнах от укусов комаров, под ногтями грязь. Мы тут во второй раз. В прошлый нормально прошло, только комары задолбали в доску. Сейчас - комбо. Повезло, так повезло...

- Захар, глянь. Идёт что-ли кто-то, не пойму.

Вскидываюсь. Сердце сразу же пробивает натянутое тук-тук-тук. Привычно, но всё равно каждый раз как в первый. Тут никого не должно быть! Слишком далеко... мы же пятая колонна, которых заслали в случае, если вдруг...

- Где? – спрашиваю, пытаюсь хоть что-то разглядеть сквозь стену дождя впереди.

Опушку нехило заливает – маленькая, но не видно ни черта. Как назло, блин.

- Да вот, рядом с тропинкой. Видишь? Хер знает, может глючит уже...

Перехватываю бинокль. Прижимаю к глазам, окунаясь в зелёную рябь. Чёртова древность! Пытаюсь проморгаться, но помогает это далеко не сразу.

Куда смотреть, блять?

- Не вижу, - говорю, скользя по тёмным силуэтам стволов.

Отдаю агрегат обратно, ещё раз похрустывая шею, а Лёха выдаёт:

- Да вот!

Снова беру в руки бинокль, прикладываюсь и неожиданно, там, где только что ничего не было, вижу движение.

- Ни хера себе, орлиное зрение.

- А-то, - кичится, - зря что ли чернику пью.

Усмехаюсь.

Боровик-затейник, блять.

Всматриваюсь в приближающихся – двое. Один – грузный, бородатый, мужик в тулупе, второй мелкий, шуплый, в длинной одежде...

Ребёнок?

Странно... что делать ребёнку в такую погоду и так далеко от их поселения.

Не веря своим глазам, смотрю внимательнее и да... офигеваю ещё больше. Там девочка: платок, балахон, волосы в растрёпанной косе. Идёт неуверенно, как-то зажато, спотыкается. Но не падает – нет, мужик ловко перехватывает локоть, рывком притискивая к себе.

- Свиданка что ли? – усмехается напарник, отбирая бинокль.

Безразлично пожимаю плечами.

Хрен его знает... Сложно понять, может это и не ребёнок, а какая-то миниатюрная женщина. Попробуй пойми с такого расстояния, да в такую погоду.

- Твою мать, точно, смотри чё делает?

- Что?

- На, смотри.

Вдох, выдох и перед глазами парочка. Обжимаются... Буквально. Бородатый вовсю тискает кого-то в сером необъятном балахоне, да так активно, что у той слетает платок, обнажая светлые волосы.

Зашибись. Только игрищ мне тут не хватало для полного счастья.

Хочу было отдать бинокль нетерпеливому напарнику, который только что на меня сверху не ложился, чтобы посмотреть, как останавливаюсь, потому что она начинает истошно визжать.

Переглядываемся с Лёхой. У напарника на лице непередаваемая смесь удивления и настороженности, а у меня... Внутри коченеет, перемалывая в труху, потому что там, не дойдя всего нескольких шагов до маленькой опушки, прямо на краю – бородатый чмошник валит на землю худощавую девчонку и раздирает балахон.

Ёб. Твою. Мать.

Девчонка, а это именно девчонка, пытается отползти, выкрутиться, сделать хоть что-то, но сил у крохи ни на грамм...

Что-то внутри меня сжимается, тараня рёбра.

Рывком поднимаюсь на ноги. Лёха тут же хватается за руку – тянет вниз.

- Совсем ёбнулся, приказа не было. Куда, блять?!

- Знаю.

Страхиваю руки и делаю то, за что меня могут под зад коленом из отдела...

Грёбанное блядство! Не по плану. Не по плану, сука!

Мужик дёргает сопротивляющуюся девушку за ногу, та проезжает по каше в сторону тропы, пытается встать, но падает на колени, а тот, пользуясь заминкой, распахивает ноги и ложится сверху, сжимая девчонке горло, превращая визг в хрип.

- Захар! Даже не думай придурок! Я за тебя головой отвечаю!

Я не думаю, я просто слышу, как она из последних сил хрипит... Хрипит отчаянно и громко. На всю, твою мать, округу.

- Да ёб твою мать! - шипит напарник. - Сейчас вся шушера сбежится!

И я срываюсь с места, послав к хренам собачьим все установки, что скрупулёзно вдалбливались в голову.

Ветки летят в лицо – отмахиваюсь, стараясь не потерять сцепление с грязью. Не знаю сколько прошло времени - оно просто замедлилось, но когда я добегаю – девчонка уже практически не дёргается, вцепившись в запястья, распахнув широко глаза.

Первая мысль: «Табельное!».

Практически выхватываю из кобуры, но вовремя вспоминаю:

Сука, нельзя табельное! Блять... Блять!

Не теряя скорости, бью с ноги, попадая куда-то в подбородок, частично в плечо – хрен знает куда. Плевать, главное, что от неожиданности он убирает медвежью длань с горла дев-

чонки и немного скатывается. Немного, потому что такого кабана просто так не свалишь одним смазанным ударом сбоку.

Девчонка отползает, судорожно пытается встать, падает, снова пытается. Вся в грязи, дрожит, за горло держится. Вижу её краем глаза, потому что вся моя концентрация уходит на суженные от ярости глаза мудака, который перетекает из положения полулёжа в стоя, за какие-то доли секунды. В полной мере давая мне понять, что пиздить тут будут только меня.

М-да... это тоже максимально невовремя.

Секунда, две. Полностью подбираюсь, готовясь к шквалу пиздеца, но его не происходит. Мужик дёргается вперёд, но резко тормозит, а следом разворачивается и бежит прочь.

Чё за нахрен?

- Стой, блять, стой, стрелять буду! – пыхтит Лёха, выныривая из-за спины.

Неожиданно...

Напарник пытается пробраться через деревья и кусты за сиганувшим в темноту мужиком, а я разворачиваюсь к девчонке чтобы в следующую секунду отшатнуться назад, потому что она начинает орать: громко, визгливо, панически.

Да вашу же мать...

Приседаю, зажимаю рот ладонью. Не сильно, но крепко. Замирает, смотря на меня огромными, до донышка перепуганными глазами. Очень светлыми, практически прозрачными глазами в которых не просто испуг – ужас.

- Тихо-тихо, - пытаюсь вразумить. – Не ори, я из полиции.

Не отвечает, но глаза становятся круглее и как только чуть-чуть отстраняюсь, орёт не в пример громче. Правда в этот раз даёт дёру в сторону.

Да что ты будешь делать!

Ловлю вскочившую на четвереньки девчонку и, оторвав от земли, не без усилий зажимаю рот, чтобы уйти под кроны деревьев. Ну а дальше понимаю, что у меня только два варианта: либо вырубить её, либо связать, принудительно закрыв рот, чтобы стихла. Потому что она не желает останавливаться – пытается укусить, выкрутиться, ногой пнуть.

- Да лучше бы ты так из-под него пыталась свалить, идиотка. Заткнись. – шиплю, перекидывая на другую руку.

Это всё так же не помогает. Ну а план... на ходу придумываю новый – хреновый, но новый. До машины дотаскиваю вопреки. Закидываю внутрь и вынужденно угрожаю:

- Вякнешь – приблю.

Дёргается, пытаюсь одновременно проползти по сидению ближе к дверце и стянуть разорванную в лохмотья одежду. Опускаю глаза на дрожащие руки. Блять, в такой запарке даже не понял, что ташу её почти голую. Охренеть...

Девчонка прослеживает мой взгляд и бледнеет, прижав колени к груди. В глазах – пиздец. Раздражённо выдыхаю. Не зная, что делать с новым витком женской истерики.

- Тихо сиди, поняла?

Давлю взглядом, а она трясётся, то ли всхлипывая, то ли соглашаясь. Захлопываю дверцу, мысленно молясь, чтобы она не спугнула никого, или, ещё хуже, чтобы какой-нибудь гонец не побежал докладывать их «идейному вдохновителю», что тут вблизи с поселением ошиваются мужики с пистолетами. Лёха же с пистолетом на перевес и побежал, *дебил, блять.*

Закрываю машину на ключ, иду обратно, но как только слышу идущего мне навстречу недовольно сопящего напарника, приваливаюсь к дереву. *Не догнал... твою мать, сука, он его не догнал!*

Нам пиздец.

- Погнали отсюда, - командует. – Их там похоже двое.

Зашибись.

Лёха продирается сквозь ветки, чавкая грязью – весь ободранный, злой и перепуганный до самой жопы.

- Нужно поставить в известность.

- Нет, - огрызается. – Кого ставить? Мы проебали задание, понял? Снимаемся.

Встречаемся взглядами. Я всё понял, но даже тут лучше пойти по протоколу. Для нас же лучше.

- Ладно, давай сменим точку, - идёт на попятную напарник. – Начальству по пути скажем, тогда...

Стою, дышу. Сердце колотится где-то в горле. Перевожу взгляд в лес – тихо... ни погони, ни криков.

- Ну чё ты встал? Идём. – настаивает.

А я... да я не знаю как лучше! Потому что куда не посмотри - жопа с ушками.

- Не успел, - психует. - Ушёл, падла. Второго даже не видел, только слышал.

Трогаюсь следом. Врёт или нет – плевать. Это сейчас не так важно уже.

До машины доходим в молчании, а уже там, Лёха останавливается как вкопанный.

- Ты чё, приволок её сюда?!

- А куда?

- Да насрать куда! – орёт, распахивая дверь, от чего девчонка как напуганный зверёк встаёт на ноги, прям там на кресле и, кажется, готовится сигануть наружу как есть.

- Совсем шизанулся? – распаляется. - Она мне все сидения зафаршмачила! Какого хера, Захар?!

Да я уже и сам понимаю, что это пиздец, но вот так просто признать, что он сейчас прав – хрена с три!

- Некуда было деть, она орала, не слышал?!

- Не надо было лезть!

- Без тебя решу, - обрубая.

Не знаю, чем бы это всё закончилось, но в рации звучит знакомый голос Юрки:

- Отбой. Повторяю: отбой. Возвращаемся.

- Ещё лучше, - всплескивает руками напарник, хлопая дверью старенькой Нивы так, что машина ходуном заходится.

Сверлим друг друга взглядами. Мы с Лёхой с первого дня – приставили меня к нему как к мамке, чтобы он сопلي вытирал. Он и вытирал, а сейчас хочет рвануть и по этим соплям надавать. И хочет этого настолько сильно, что готов плюнуть на сильную разницу в росте и сделать это.

- Чё делать с этой теперь?

- Отвезём в отдел.

- Да что ты, – язвит. – Может ещё и на Мальдивы её?

Сука, бесит.

Сжимаю кулаки, чтобы самому не сорваться и не вбить напарника мордой в грязь.

- Может и свозить.

- Ещё бы, блять, мажор. Кому она там сдалась в отделе? Ты думаешь, тебя по головке за этот подарочек погладят? Да, конечно, ага. Держи карман шире.

Машет на меня рукой и прыгает на водительское. Провожая взглядом, а после смотрю на свои руки. Твою мать... вся куртка в грязи, ветками порванная и в ещё каком-то дерьме. Отряхиваюсь, пока иду на своё место.

Сажусь, хлопаю дверью и тут же окунаюсь в давящий вакуум тишины.

Оборачиваюсь. Девчонка сидит, закутавшись в китель... в мой, блять, китель! Глаза огромные, пустые, неживые.

А в рации снова шипение и голос начальства:

- Повторяю: отбой. Цель ушла. Отбой. Всем вернуться обратно.

Лёха смотрит на меня.

- Вот и Громов... А у нас, - кивок назад, - трофей...

- Поехали уже.

Качает головой, но всё-таки трогается с места. Дождь барабанит по крыше, девчонка сзади молчит. И я думаю только о том, что сейчас реально вляпался. По макушку окунулся!

Машина прыгает на корнях. Нива старая, казённая, убитая ещё до меня. Подвеска - дерьмо. Дворники скрипят, размазывая грязь по стеклу. Вглядываюсь в темноту, пока Лёха крутит баранку и именно он не выдерживает первым:

- Эй! Ты как? Живая?

Тишина.

Кошу взгляд. Она сидит, забившись в угол, колени к подбородку, мой китель натянут до самого носа. Видны только глаза... светлые и грязные щёки в разводах. Смотрит перед собой. Не на нас... в пустоту.

- Как зовут? - не унимается напарник. - Имя есть? Ну, там... Маша, Даша, Глаша? Или как вы там себя зовёте?

Молчит.

Лёха вздыхает, вытряхивает сигарету, нервно крутя её в пальцах.

- Немая, что ли? - бурчит себе под нос.

- Отстань от неё.

- Чего «отстань»? – ерепенится. - Это ты её приволок, а спросят с меня. Оно мне надо, блять?!

- Никто не спросит.

- Ага, конечно. Мы ж напарники. Твои косяки - мои косяки.

Между строк: «отец»... снова. И да, он прав. Я подставил не только себя, но и его. Смотрю назад: девчонка сидит на сиденье, с неё течёт - вода, грязь, какая-то лесная дрянь. Обивка и так не новая, а теперь там вообще болото. За это по шапке дадут.

- Воды ей дай... - раздражённо выдыхает напарник, кивая на бардачок.

Вытаскиваю мягкую полторашку, откручиваю крышку и протягиваю горе-мученице.

- На, попей.

Мелкая переводит взгляд на бутылку. Медленно, растянуто и смотрит так, словно не понимает, что это такое.

Прекрасно, блять...

Смотрит на Лёху, на меня, снова на бутылку. В глазах недоверие и целый пуд страха.

- Пей, не отравлено.

Отпиваю сам, улыбаюсь шире, а она смотрит как зверёк, того и гляди начнёт кусаться.

Да... перепугали до самого не могу.

Качаю головой. Тонкая, худая, прозрачная практически – а уже по уши в дерьме.

- Давай-давай, смелей.

Берёт бутылку, подносит к губам и всё-таки пьёт. Секунды не проходит, как жадно присасывается – захлёб глотает. Вода течёт по подбородку, шее, на мой китель.

И какого хрена я его с собой взял, идиот?

В какой-то момент, пристыженно отстраняется, вытирая тыльной стороной ладони губы, размазывая грязь по лицу ещё больше.

- О-о-о, что, даже «спасибо» не скажешь? - усмехается напарник. - А имя? Имя своё скажешь?

Молчит, выстреливая в его затылок взглядом, но как только видит, что я списываю – прячет нос за ворот.

Вздыхаю, отворачиваясь вперёд. До трассы ещё минут сорок по просёлочной. И пока мы двигаемся вперёд, буквально наощупь, в моей голове крутятся мысли, а если точнее хреново самобичевание.

Зачем полез? Знал же, чем это может обернуться и всё равно полез.

Операция, начальство, дождь – всё это нависает очередным грозовым облаком над головой. Но я точно знаю, что останься я на месте, в засаде – не смог бы слушать, как она орёт. Я пошёл в структуры, потому что с самого детства видел, как отец получал награды, как добро помогает избежать зла. Да, я всё понимаю и суровые реалии тоже. Но тут я не из-за собственного эго и желания получать звёздочки, не совсем из-за этого...

- Сотников, а если она реально немая? Или тронутая? Чего мы с ней делать-то будем?

- В отделе разберутся.

- Не надо было с собой тащить! – снова выстреливает.

- А что делать? Оставить под деревом?!

Смотрим несколько секунд друг на друга.

- Ага, разберутся. Ей сколько лет? Выглядит на десять ещё и ПДН будет права качать.

Ничего не отвечаю. ПДН или не ПДН, но оставить человека в опасности – тоже противозаконно. Тем более хрупкую девчонку. Это в общем чистая удача, что мы там оказались, так бы он её придушил и не заметил...

Во двор въезжаем под утро. Дождь кончился, но небо всё равно плотно-серое. Лёха паркует Ниву между патрульными тачками и глушит мотор. Выхожу, открываю заднюю, заглядывая вовнутрь. Девчонка как сидела, так и сидит.

В рассеянном свете что она, что я выглядим как после грязевой ванны, что по сути является правдой, с единственным исключением – в свою я сам залез, а её там ещё и трахнуть пытались. Смотрю на аккуратные пальцы ног перепачканные землёй и чем-то красным, кажется кровью.

Босая, как и думал... Видимо потеряла обувь пока я её тащил.

- Вылезай, – киваю на улицу. - Приехали.

Она медленно, неловко выбирается из машины. Серые тряпки ниспадают до асфальта, а мой китель покоится на плечах – грязный до предела: и отпечатки пальцев, и ветки... Похоже, без химчистки не обойтись.

- Подожди. – останавливаю дрожащую девчонку. – Стой тут.

- Эй, ты куда? – кричит в спину Лёха.

- Ща, носки ей дам.

Открываю багажник своей личной машины, вытаскиваю из пакета носки со спортивными штанами и иду обратно. Напарник в этот момент буравит меня взглядом, и, пока я пихаю девчонке одежду, он не сдерживается:

- Пиздец.

Меня его вставки «между делом» порядком бесят, но игнорирую. Смотрю, как одевается молчаливая девушка, как перехватывает дрожащими пальцами китель – лишь бы не оголиться больше.

Трындец у неё ночка.

Как только выпрямляется, подхватываю под локоть и стараюсь не думать о том какая она вся тонкая, почти прозрачная – веду по ступеням вверх, а далее к проходной. В какой-то момент она, пытается упираться, даже отталкивается, но я сжимаю пальцы сильнее и пропихиваю дальше.

- Идём, времени нет.

Заходим внутрь. Коридор, тусклый свет. Дежурный за стеклом поднимает голову. Видит меня, Лёху и чудо в кителе - и дальше следует невероятная смесь офигения с закономерным:

- Это чё такое?

- Трофей, - вставляет напарник.

Глаза Жоры становятся ещё круглее:

- И куда... в обезьянник?

- Нет, - отмахиваюсь. - Громов у себя?

- У себя, - запинаясь дежурный, хмуро оглядывая снова сжавшуюся в клубочек девушку.

- Подожди, это чья форма? Твоя что-ли?

Не считая нужным отчитываться, веду по коридору дальше, а она, растеряв всю свою воинственность, цепляется за мой рукав, как за родной.

Надо же, какие мы смирные резко стали...

Подходим. Останавливаюсь у двери и сразу же стучу. Толку оттягивать неизбежное?

- Войдите!

Заходим. Громов, сидя за столом встречает нашу троицу прямым взглядом.

Секунда. Две. Три. Тишина - и после в его глазах буквально проворачиваются шестерёнки. Громов старый, тёртый опер: ему хватает нескольких мгновений, чтобы сложить дважды два.

- Та-а-ак, - тянет, откидываясь в кресле. - И кто у нас тут?

Оборачиваюсь, глядя на девчонку, опутившую глаза. Понятно: ничего не скажет. Зря она так - дежурный не просто так заикнулся про обезьянник.

- Мужика с неё снял. Орала на весь лес. Я так понял, она из «местных».

- И?

- И пришлось изолировать в машине, а дальше пришёл отбой.

- И ты её сюда приволок значит...

Громов встаёт, медленно обходит стол, подходит ближе, не сводя взгляда с неожиданно прижавшейся ко мне «спасённой». Останавливается в шаге, смотрит верху вниз.

- Значит все свалили, и ты одна осталась?

Вздрагивает, поднимает на него глаза, но тут же обжигается, прячась за меня.

Что за детский сад?

Пытаюсь расцепить руки. Эффект обратный - вжалась сильнее.

- В смысле свалили? - вставляет свои три копейки Лёха. - Никого не взяли?

Громов скалится - желваки ходуном ходят, но взгляда от трясущейся немой не отводит.

- Да, Сотников, не ожидал от тебя такой инициативы...

Игнорируя вопрос, тянет начальство.

- Её нельзя было так оставлять. Перестраховался.

Переводит на меня глаза, Лёха стоит за спиной и пикнуть не решается, а я... да хрен его знает откуда столько ослиного упрямства - голодный и злой, наверное, поэтому.

- Молодец, хвалю. - неожиданно говорит Громов, похлопав по плечу. - Она у нас одна только и есть.

Одна? Да там человек сто было! Какая «одна»?

Подполковник возвращается к столу, вытаскивает лист, следом на стол с грохотом опускается ручка и кивнув, говорит:

- Пусть пишет всё что знает. Может они там закопались где-то и сидят, суки.

Со спины обхватывают тоненькие ручки, и я, находясь в полном ахере, выдаю поспешное:

- Товарищ подполковник, она молчит, мы пытались разговорить...

- Мне тебе рассказать, как и что нужно сделать? Ей, кстати, сколько лет? - вытянув шею, заглядывает за меня.

- Лет шестнадцать, может чуть старше... - вставляет Лёха, насильно отрывая от меня «немую».

Та испугавшись, начинает орать и кидаться ко мне обратно. То есть буквально – в руки. *Твою мать....*

- Вот видите. Совсем дикая!" – восклицает напарник, демонстрируя запястье, за которое его успели цапнуть.

- Чёрт... ПДН мне тут ещё не хватало до кучи! – раздражённо выдыхает Громов. – Милая девочка, – обращается к перепуганной девочке, – давай ты нам расскажешь, куда могли уйти твои знакомые, а мы тебе чай нальём...

Не тут-то было, вцепилась в меня намертво, в ответ активно качая головой и всё...

Начальству такое не нравится, но на неё Громов не срывается. Командует Лёхе:

- Уведи.

Перехватив поперёк брыкающуюся девчонку, напарник вытаскивает её орущую за дверь, а наш главный опер, тем временем, рассуждает вслух:

- Блять, руки связаны. Если Катка прибежит – кипиш устроит. Так, Сотников, слушай сюда: берёшь перепуганную лань под белые рученьки и договаривайся с ней как хочешь. А лучше нет... увези пока из отдела, сделаем видимость, что ты не привозил, а с Катей я договорюсь потом.

- Подождите, куда я её?

Взгляд начальства становится холоднее.

- Мне плевать куда. Здесь её быть не должно. Всё, иди. Вечером доложишь. – и будто бы не мне. - Кто-то из них заговорит первым, - не успеваю среагировать, как подполковник снова смотрит в мои глаза и командует: - Некогда мне ею заниматься, иди.

- Есть ещё кто-то? – спрашиваю, зацепившись за несоответствие.

Громов бесится, но отвечает вовсе не на вопрос... меня продавливают дальше:

- Нельзя в соцзащиту. Там она закроется, зажмётся ещё больше, испугается тёток в халатах. А нам нужно, чтобы она говорила, понятно? Иначе мы этих бородатых до зимы искать будем.

Пиздец, нашли крайнего...

- Она на тебя реагирует, продолжает. - Ты её спас, и ты для неё герой. Так что, иди.

- Я не психолог.

- А мне похер, - давит. – Психолога - потом. Сейчас мне нужна информация. Вези к себе: пои, корми, дай поспать. Пусть приходит в себя. Потом аккуратно, без нажима, попробуй разговорить. Где живут, сколько народу, как выглядят главные, кто приезжает, о чём говорили. Сладости ей купи... она - девчонка, ты – герой. Действуй.

- А если не заговорит?

- Заговорит, куда денется. Включится синдром жертвы или чё у них там срабатывает, и на волне доверия, скажет.

Я как стоял в ахере, так и остался стоять.

- Всё, Сотников, - отмахивается, - свободен. К вечеру жду рапорт. И приведи себя в порядок - смотреть страшно. Тебе тут забегаловка что ли?

Мой внешний вид меня волнует куда как меньше, поэтому:

- Товарищ подполковник... а если её ищут? Я понятия не имею, видели нас или нет.

Громов прищуривается.

- Захар, что я непонятного сказал? – молчу, жду.

Начальство выдыхает, и берётся пояснять:

- Ты и повезёшь её к себе, а не в общагу при отделе. Адрес твой нигде не светится, ты у нас стажёр, если забыл. Так что посидите пару дней. Всё, иди. Некогда мне.

Разворачиваюсь и выхожу, чувствуя, как в спину летят острейшие кинжалы, от которых не увернуться.

Дверь тихо скрипит, а глаза напарываются на бледное лицо девчонки: искусанные губы, острые скулы, огромные глаза. Мокрая, грязная... в моём кителе, в моих, блять, носках.

И вдруг она тихо, еле слышно, произносит:

- А... мама? Там мама...

Закрываю глаза, растирая переносицу.

Твою мать, я попал...

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.